

ЛИДИЯ ПАЛМИНСКИ

МЕСТЬ или ЛЮБОВЬ

ЧАСТЬ II

18+

Лидия Палмински

Месть или Любовь. Часть 2.

<https://litres.ru/74355847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они бежали от прошлого.

Они пытались забыть.

Но некоторые тайны не могут оставаться похороненными навсегда.

Спустя годы молчания Амалия и Калёб вновь встречаются, изменённые болью, сделанными выборами и тем, о чём им никогда не хватало смелости сказать.

Он ищет ответы.

Она пытается защитить единственное, ради чего готова пожертвовать всем.

Среди скрытых истин, старых ран и чувств, которые никогда по-настоящему не исчезали, прошлое возвращается, чтобы забрать то, что у него отняли.

Потому что иногда самая большая тайна

— это именно причина, по которой два сердца всё ещё бьются друг для друга.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лидия Палмински

Месть или Любовь. Часть 2.

Глава 1

Амалия

Прошло пять лет.

Я никогда не верила, что смогу снова научиться дышать. Не полностью. Не чисто. Не спокойно. Но время, по-своему жестоко и всё же милосердно, научило меня жить иначе.

Теперь мои утра начинаются с запаха поджаренного хлеба и с маленьких шагов, топочущих по холодному полу кухни. Большие окна моей квартиры в английском городе, обветшалом, но кротком, роняют бледный свет на стол из белого облупившегося дерева. Здесь всё кажется проще. Люди говорят тихо, улицы пахнут дождём, а время течёт иначе... как будто город дышит во сне.

Прежде чем открыть глаза, я слышу её.

Её голос.

— Мама...

Иногда он ударяет меня в грудь. Иногда оmyвает мне душу, как тёплая рука.

Я поворачиваюсь к ней так, будто каждое утро — первый раз, когда я её вижу.

У неё взъерошенные волосы и мягкие губы, припухшие от сна. Её большие глаза... эти глаза... всегда проникают мне в сердце, даже если иногда я стараюсь в них не потеряться.

— Я здесь, любовь моя. Доброе утро.

Она смеётся. Всегда смеётся по утрам.

Всегда солнце восходит сквозь её улыбку.

Я беру её на руки и поднимаю, а она прячет лицо у меня на шее, как делала, когда была меньше.

Она всё ещё чувствует потребность быть защищённой.

И я... я всё ещё чувствую потребность защищать её от всего, чем я была.

Я сажаю её на маленький стульчик и начинаю готовить чай. Мы сидим в тишине. Но это не та тяжёлая тишина, что была раньше. Это тишина, которая наполняет, как белая, светлая комната.

Пока я режу её ломоть хлеба на маленькие, круглые уголки, она говорит мне:

— Мама... во сне был большой сад. И ты была там.

— И ты была там, — говорю я, потому что это правда. Я всюду, где она.

После завтрака я одеваю её осторожно. Мне нравится смотреть на её маленькие пальцы, когда она сама застёгивает пуговицы, сосредоточенная, чуть высунув язык между губ. Она такая решительная. Такая живая. Такая моя.

Я провожаю её до детского сада той дорогой, усыпанной мокрыми листьями.

Она всегда берёт меня за руку. Я никогда не беру первой. Это наш ритуал.

Когда она отрывается от меня, прежде чем побежать к другим детям, она оборачивается:

— Мама, ты придёшь за мной?

Её вопрос разрывает во мне старый шрам, но я учусь дышать поверх него.

— Я всегда прихожу, — говорю я. — Всегда.

Когда я остаюсь одна на улице, город становится тише. Дождь, который почти никогда не пропадает, начинает падать медленно, как мелкие шаги по тротуару. Я плотнее запахиваю пальто и иду дальше.

Кофейня, в которой я пишу, стоит на углу улицы, спрятанная между маленьким книжным и лавкой со старыми чадами. Я узнаю её по запаху — крепкий кофе и корица.

Хозяйка, пожилая женщина с белыми волосами и тёплыми руками, всегда улыбается мне так, будто знает меня из другой жизни.

— Ты сегодня рано, милая, — говорит она.

Улыбаюсь совсем немного. Только это я и могу.

Она понимает. Она всегда понимала.

Я сажусь за свой столик у окна. Свет мягкий. Тёплый.

Открываю тетрадь.

Пишу.

Иногда я пишу о прежней жизни.

Иногда пишу, чтобы забыть. Но чаще всего... пишу, что-

бы остаться целой.

С каждой страницей, с каждой тщательно выстроенной фразой я чувствую, как что-то во мне встаёт на место. Как куски цветного стекла, которые начинают складываться в витраж.

И всё же...

Иногда, особенно когда за окном подолгу льёт дождь, я снова слышу имя, которое держу в себе, как отравленный секрет.

Иногда, когда я остаюсь одна дома, между молчащими стенами и жёлтым светом вечера, я провожу пальцами по её волосам и чувствую... страх. Потому что жизнь может измениться в одно мгновение. А я слишком хорошо знаю, что жизнь может отнять в одно мгновение.

Я закрываю глаза. Втягиваю воздух.

Я туда не возвращаюсь.

Не сегодня.

Смотрю на часы. Я всегда выхожу на несколько минут раньше — не выношу мысли, что она будет меня ждать. Беру пальто, закрываю дверь и иду той же дорогой, между старыми домами и влажным запахом травы.

У ограды детского сада слышны смех, крики, маленькие голоса, что смешиваются друг с другом, и среди них я ищу её — с тем светлым, нетерпеливым взглядом.

Я замечаю её.

Она видит меня первой и бежит. Она всё время бежит ко

мне, будто между нами нет ничего, кроме этой короткой дороги.

— Мама!

Она бросает руки мне на шею. Я поднимаю её и прижимаю к себе, чувствуя её тёплый, знакомый запах, самый успокаивающий запах на свете.

— У тебя был хороший день? — спрашиваю я почти шёпотом, чтобы не испортить момент.

Она восторженно кивает и начинает рассказывать мне короткими, торопливыми фразами про рисунки, про свою новую подругу, про бабочку, которая влетела в окно и заставила весь класс кричать.

Я слушаю. Всегда слушаю.

Потому что её голос — самая прекрасная музыка, какую я когда-либо знала.

Я беру её за руку, и мы медленно идём домой по длинной сырой аллее, обсаженной деревьями с белыми кривыми стволами. Иногда нам кажется, что их корни выходят на поверхность, как огромные вены, и держат землю в объятиях, чтобы она не убежала.

Клара шевелит маленькими пальцами в моей ладони, напевая выдуманную песенку, что-то про розовую птицу, которая хочет долететь до звёзд. Мне нравится, как её ум создаёт миры. Без страха. Без тени.

Мы приходим домой. Поднимаемся по лестнице. Я открываю дверь, а внутри пахнет мятным чаем и чем-то тёплым,

приготовленным.

Готовила не я.

— Кажется, Бен пришёл, — говорю я тихо.

Она светлеет, но не тем светом, который бывает в истории про вернувшегося домой отца.

Это другое.

Спокойная привязанность.

— Бен? — зову я, снимая пальто.

Он появляется из кухни, с закатанными рукавами и мятым фартуком, завязанным набок, полная противоположность его обычному порядку. Улыбается так, как улыбается он: без спешки, с мягкостью человека, который тебя видит, но не давит.

— Я вас ждал, — говорит он. — Длинный был день?

Он смотрит на неё, а не на меня.

Это мне нравится.

Он не пытается быть тем, кем не является.

— Я сделал пасту, — продолжает он. — Но, кажется, положил слишком много перца...

Она хихикает и бежит к нему, а я чувствую то тепло, которое не жжёт, а только укутывает.

Он поднимается и берёт её на руки, легко кружа, а она смеётся так, будто весь мир вращается вокруг них.

— Бен, ты опять сделал острую еду! — восклицает она с гордостью.

— Так и есть, перец меня всегда выдаёт, — говорит он

театрально.

Я сажусь на стул и смотрю на них.

Это хорошая тишина, не гнетущая тишина.

Бен никогда не спрашивает о том, о чём я не могу говорить.

Он не спрашивает меня, кто это был.

Он не спрашивает меня, почему я уехала.

Он знает только, что я пришла в новый мир, нося её в животе, молчаливая и прозрачная, как тень, полная слёз.

И он ждал, пока я снова научусь стоять на свету.

Пока мы едим, он рассказывает ей про красную машину, которую видел сегодня, и про то, как она была похожа на огромное яблоко на колёсах.

Она смеётся.

Я смеюсь.

После ужина она идёт рисовать. Она всегда рисует перед сном. Заполняет страницы огнями, домами, цветами, небесами.

Мир, в котором нет тени.

Я мою тарелки, Бен опирается плечом о косяк двери и смотрит на меня.

— Ты устала, — говорит он, не спрашивает.

— Может быть, немного, — бормочу я.

— Ты писала сегодня?

Я киваю.

— Да. Пошло легче... сегодня.

Он улыбается. Не настаивает.

Он знает, что моё письмо иногда лекарство, иногда рана.

Он крепко обнимает меня, потом целует в лоб. Его жест такой тёплый, такой мягкий, что на мгновение я чувствую себя маленькой, защищённой, дома. И всё же... моё сердце не вздрагивает так, как должно. Я чувствую вину в каждом вдохе, который делаю рядом с ним. Вину за то, что не могу любить его так, как он любит меня.

Его кольцо на моём пальце уже три года. Три года, за которые мой ответ так и не расцвёл до конца. Я просила только времени. Но время... время убежало. Оно утекло сквозь дни, сквозь мелкие ссоры и медленные поцелуи, сквозь вечера, когда я засыпала у него на груди, и утра, когда я просыпалась с мыслью, что всё ещё не готова.

Бен... он хороший. Он тот редкий человек, который умеет по-настоящему слушать. Который не повышает голос, даже когда больно. Который каждое утро варит мне кофе, ровно такой, как я люблю. Который видит, что я плакала, по одному тому, как я моргаю. Который знает меня лучше, чем я сама когда-либо решалась себя узнать.

Он держал меня за руку, когда у меня не было сил подняться. Он верил в меня, когда я чувствовала себя лишь разбитой версией той, какой должна была быть. Он починил во мне то, о чём я даже не знала, что оно сломано. И я знаю... знаю, что его заслуга огромна.

Но любовь нельзя изготовить, как бы красиво её ни выкра-

ивать. Её нельзя раскрасить в цвета только потому, что тебе хочется. Любовь... должна гореть. Должна воспламенять. Должна шевелить что-то внутри, даже когда больно.

У меня... тишина. Слишком большая тишина.

И всё же я не могу его ранить. Мне хочется закричать, что я хочу быть женщиной, которая заслуживает его любви. Что мне хотелось бы смотреть на него и чувствовать тот огонь, который ломает в тебе всё. Но внутри меня... что-то остаётся закрытым. Как будто дверь никогда не открывается до конца, сколько бы я ни стучала.

Я ему благодарна. Я люблю его... по-своему. Но это не та любовь. Не та любовь, которую он чувствует ко мне. И я боюсь. Боюсь, что однажды он увидит это в моих глазах и поймёт всё, без единого моего слова.

Я чувствую, как его пальцы легко гладят мне спину, будто хотят прогнать бурю, которую я держу в себе. Несколько секунд стоит тишина, тишина, которая давит.

— Я тебя где-то теряю, да? — говорит он шёпотом.

Я закрываю глаза. На мгновение я понадеялась, что он не заметит... но Бен замечает всегда.

— Нет... ты меня не теряешь, — говорю я тихо, почти умоляя, чтобы он мне поверил. — Просто... просто я устала.

Он смотрит на меня внимательно, тем глубоким взглядом, в котором меня будто читают по кускам.

— Устала от чего? От нас?

Сердце сжимается.

— Нет, Бен. От себя, — говорю я, и это самая большая правда, какую я могу произнести.

Он снова касается губами моего лба. Его поцелуй тёплый... но во мне ничего не происходит. И это меня ломает.

— Тебе не нужно мне объяснять, — говорит он. — Только... не закрывайся в себе. Прошу тебя.

Я тяжело сглатываю. Именно это я и делаю. Это я делала всегда.

— Я стараюсь, — отвечаю я, едва слышно.

Бен берёт меня за руку, смотрит на кольцо. На незаконченное обещание. Я вижу это в его взгляде — не давление, не обида — только терпение. Терпение, от которого мне больно, потому что я не знаю, заслуживаю ли я его.

— Я тебя люблю, — говорит он просто. Вот так, без претензий, без требований.

Я дышу. Немного дрожу.

— Знаю... — отвечаю я. — И это... значит больше, чем ты думаешь.

Больше я ничего не могу сказать. Если я останусь ещё, в моих глазах будет видно всё.

— Пойду уложу Клару, — говорю я, найдя наконец предлог вырваться из его объятий.

Он слегка кивает.

— Хорошо. Я здесь... если понадобится. В любое время.

Я оставляю его за спиной, и шаги мои тяжёлые, будто я иду с сердцем в руках. Клара — единственное существо, пе-

ред которым я чувствую, что могу дышать, не прячась.

Открываю дверь её комнаты. Она уже играет с куклами, что-то бормоча им. Я поднимаю на губы улыбку — ту улыбку, которой пользуюсь, чтобы не было видно ничего из моего хаоса.

— Пойдём, любовь моя, пора баиньки.

Клара поднимает на меня глаза, и в её взгляде я нахожу немного покоя.

Я помогаю ей забраться под её одеяльце со звёздочками. Она подтягивает колени к груди, в такой знакомой, такой успокаивающей позе.

Я наклоняюсь и целую её в лоб.

— Спокойной ночи, мама, — говорит она тем тёплым, мягким голосом, который всегда размягчает мне душу.

— Спокойной ночи, любовь моя, — отвечаю я.

А потом наступает тот момент.

Момент, который бьёт меня каждый вечер одинаково.

Она поворачивает взгляд к закрытой двери.

Как будто там мог бы кто-то быть.

Как будто однажды вечером... он мог бы появиться.

И уже с замедлившимся дыханием, шёпотом, хрупко, она говорит:

— Спокойной ночи... папа.

Я научилась не моргать в этот момент.

Я научилась не касаться её в этот миг.

Я научилась ничего ей не говорить.

Просто смотрю на неё.

Мир остаётся неподвижным целую секунду.

Как фотография.

Как рана.

Клара засыпает быстро, подложив руку под щёку, примирённая со сном, который я не знаю, смогу ли когда-нибудь исполнить.

Тихо закрываю дверь.

И когда я остаюсь одна в коридоре, только тогда я дышу.

Медленно.

Глубоко.

Чтобы снова не сломаться.

Глава 2

АМАЛИЯ

Пять лет назад.

Пять лет назад.

Я всё ещё чувствую запах мокрого асфальта, всё ещё слышу эхо криков вокруг, будто всё это вонзилось в меня, как ржавые гвозди. То мгновение — тот миг, когда Калеб повернулся спиной и ушёл, — рана, которая так и не закрылась.

Я помню только его тень, расправленные плечи, дрожащие руки и то, как его взгляд больше не обернулся ко мне. Он ушёл так, будто между нами ничего и не было. Будто всё исчезло за одну-единственную секунду.

А я осталась там, посреди дороги, с ослабевшими коленями, с вырванным из лёгких воздухом, с миром, который катился вокруг меня.

Сирены слышались всё ближе и ближе.

Я чувствовала их раньше, чем видела.

Красный и синий свет проник мне под веки, как нож.

Бегущие шаги. Повышенные голоса. Кто-то меня о чём-то спросил, но я не могла ответить. Мои губы шевелились, но ничего не выходило. Какая-то женщина закричала громче всех, и её крик разбился во мне, как кусок стекла.

Я ещё не понимала всего, но чувствовала.

Чувствовала, что что-то непоправимое кончилось.

Чувствовала, что моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Мои руки дрожали... нет, не дрожали, а бились, будто моё тело пыталось оторваться от меня самой. Я почувствовала, как колени подгибаются, и земля обняла меня холодом.

Голос:

— Дыши! Оставайся со мной!

Но я даже не знала, хочу ли я ещё дышать.

Не знаю, плакала ли я. Помню только вкус крови и соли во рту.

Приехали парамедики, огни ослепили меня, и мир стал густым пятном бесформенных звуков.

Потом... туман.

Я открыла глаза в больнице.

Белый потолок.

Холодный свет.

Трубки.

Капли, которые текли ритмично, как обратный отсчёт.

Какое-то время я не знала, кто я. У меня не было имени, не было тела, не было времени. Я была просто раной. Когда реальность вернулась, она пришла как нож в живот. А вместе с ней... воспоминание о нём.

Калёб.

Я видела его перед собой, в мыслях, как он поворачивается. Не бежит ко мне. Не подходит, чтобы коснуться меня. Не борется за нас.

Нет.

Уходит.

Я немного приподнялась, но всё тело было тяжёлым, будто я была сделана из камня.

Я хотела позвать его. Сказать ему, чтобы он меня не оставлял. Что я не понимаю, что случилось. Что я не могу дышать без него.

Но в комнате был только аппарат, который пищал медленно, ровно, равнодушно.

Дверь палаты открывается медленно, и холодный свет коридора растекается по белому полу, как лунный след. Молодая медсестра входит мягкими шагами, почти беззвучно, а следом за ней входит врач — спокойный, собранный, с журналом в руке, будто он несёт между теми бумагами всю мою судьбу.

Я ничего не говорю.

Не могу.

Я всё ещё зажата где-то между темнотой той ночи и слабым светом этой комнаты.

Медсестра проверяет мою капельницу, касается тонкой конструкции трубок, поднимает на меня глаза — и я знаю, что она видит. Видит, что во мне. Усталость. Шок. Пустоту. Страх.

Врач подходит к кровати и говорит со мной мягким голосом, будто знает, что слишком громкий тон мог бы раскрошить меня на куски:

— Амалия, твои раны заживают хорошо. Твоё тело отвечает на лечение. Понадобится покой, но ты вне опасности.

Я слушаю его, но будто не слышу.

— Я хотел ещё сказать тебе, что... с ребёнком тоже всё хорошо.

Мир останавливается.

Всё.

Воздух.

Свет.

Звуки.

Сердце.

Остаётся только тишина — та плотная тишина, в которую вмещаются все отголоски моей жизни.

— Какой... ребёнок? — спрашиваю я. Но мой голос — не мой голос. Это тень звука.

Врач коротко, но мягко вдыхает. Смотрит на медсестру, потом на меня. Он понимает. Без объяснений. Без вопросов.

— Амалия... ты беременна. И ребёнок в порядке. У тебя примерно двенадцать недель. Около трёх месяцев, — говорит он тихо, с почти болезненной осторожностью, будто каждое слово могло бы меня разрезать.

Двенадцать недель.

Три месяца.

Целое время года во мне, а я не знала.

— Я... я не знала... — бормочу я.

И в моём голосе не только изумление.

Это страх.

Это вина.

Это что-то похожее на тихое обрушение.

Медсестра подходит и медленно кладёт мою руку мне на колени, будто позволяет мне снова почувствовать моё тело, которое давно мне не принадлежит.

— Всё хорошо, — говорит она мне. — Очень хорошо. Твоё тело защитило его. Оно боролось за него.

За него.

Слова прилипают к моей коже.

Я поднимаю ладонь, тяжёлую, дрожащую, и кладу её на свой перебинтованный живот, всё ещё чувствительный, всё ещё болезненный, — но теперь у боли другой смысл. Она не только обо мне. Она о ком-то, кто живёт внутри меня, не спросив, готова ли я.

Я не готова.

Я никогда и не была готова.

Но он там, или она.

И то, что он есть, разрывает мою душу на тысячу кусков, а потом снова складывает её в один-единственный — более настоящий, чем была когда-либо я сама.

Врач меня не торопит, не требует ответов, не предлагает решений.

— Мы оставим тебя ненадолго одну, — говорит он. — Дыши. У тебя есть время.

Время.

Это слово, которого у меня никогда не было. Дверь закрывается так же медленно, как открылась. Я остаюсь наедине с собой. С моим телом, в котором кто-то живёт. С моей душой, которая больше не знает, что делать с этой новой жизнью.

Я оставляю ладони там, на своём животе, как обещание и как страх одновременно.

— Ты... ты остался со мной... — шепчу я, и мой голос ломается надвое.

И тогда, без единого звука, без единого резкого движения, я начинаю плакать.

Я пробыла в больнице ещё несколько дней — для наблюдения, для анализов, для того, чтобы люди в белых халатах имели уверенность там, где у меня были только обрывки уверенности; часы растягивались, ночи были длинными, а я слушала удары монитора, как метроном, который держал меня привязанной к настоящему, которое я принимала со страхом. Между визитами и капельницами, между листами наблюдений, которые перелистывали медсёстры, и повторными УЗИ я узнала то, что врачи произнесли вполголоса ещё в первый день: по итогам измерений и УЗИ — которое показалось мне тогда сверхъестественной картиной с синими и чёрными линиями — с большой вероятностью вырисовывался образ девочки; это не была стопроцентная уверенность, это не были те округлые и безусловные слова, на которые я надеялась, но это было больше, чем простое подозрение: был

контур, было положение, были какие-то движения и измерения, указывавшие на женское. Врачи мягко предупредили меня, что пол можно будет подтвердить позже, что УЗИ могут ошибаться, но их глаза не лгали: «Очень вероятно, что будет девочка», — сказали они мне, и их голос отозвался во мне как фраза, дарившая мне будущее, которого я не планировала и которое теперь всё же чувствовала быющим, как маленький свет.

Я хранила это в себе, как хрупкое пламя, держалась за него в те ночи, когда ужас прошлого возвращался ко мне короткими, наполовину застывшими картинками, когда я спрашивала себя, как быть матерью под такой тяжестью, когда боялась, что не заслуживаю ни прощения, ни этого дара. Я придумывала имена, мысленно касалась волос, которые заплетала бы ей, мне снилась маленькая рука, которая будет искать край моего одеяла; каждая такая сцена строила маленький остров нежности в моём океане вины и страха.

Когда мне сказали, что я могу уйти домой, что моё тело и жизнь там тронутся медленно, маленькими, но твёрдыми шагами, я почувствовала, как сердце сжимается и расширяется одновременно: радость от того, что я покидаю антисептический свет палат, страх от того, что покидаю место, где меня охраняли, почти физическую ответственность, возникавшую в каждом жесте — беречь себя, хорошо есть, не напрягаться, — и острую, необъяснимую потребность сообщить тому, другому, кто когда-то был в центре моей жизни,

сказать ему. Это не было ни доказательством, ни просьбой, это был инстинкт — я чувствовала, что это должно быть тем, что он знает, что я должна принести ему весть, что во мне растёт девочка, даже если я ещё не знала, как её назову и как научу её любить.

Я вышла из больницы с одеялом страха и официальной бумагой в руке, с рекомендациями и записями на приём, с дозировками и телефонными номерами, на которые я, наивная, смотрела как на литании. Воздух снаружи пах не так, как стерильные комнаты. Мелкий дождь гладил тротуар, и мне казалось, что всё живее, чем раньше. Каждый шаг к автобусной остановке был новым ритмом, будто мы на самом деле путешествовали в жизни, которая была дана мне без инструкций. Я взяла сумку с одеждой и лекарствами и отправилась по нашему адресу — в ту квартиру, в которой я прожила хорошие и плохие минуты, туда, где наши общие привычки сплетали свои нити в самодельной мебели, в столовых приборах, в чашках, ещё хранивших кофейный ободок.

По дороге меня охватили чувства. Одни были дикими и неотложными, другие маленькими и далёкими. Я представляла, как вхожу в квартиру, как говорю ему, может быть, плача, может быть, смеясь, может быть, просто сидя за столом рядом с ним, с раскрытой больничной бумагой, как с обещанием, которое мы должны разделить. Я повторяла про себя фразу: «Возможно, будет девочка. — Нам придётся быть осторожными», — и вращала её, как тёплый плащ, что при-

крывал мой страх, как что-то, что нужно бережно нести перед лицом мира.

Когда я пришла, дверь была заперта. Подъезд пах тем же инертным моющим средством, то же зеркало с водяными пятнами в конце коридора. Я позвонила. Сначала один раз, коротко, с сердцем, бьющимся у самого горла. Потом ещё раз. Три звонка. Все — в тишину. Его телефон, записанный в моей памяти под простым именем, которое мне выпало проносить, не звонил. Это была лишь череда сигналов, показывавших мне, что никто не отвечает, что тишина в доме — не только его отсутствие, но и результат чьих-то несделанных движений.

Я постучала в дверь основанием ладони, с тем же страхом, с каким молятся у окна, и прислушалась. Не было слышно ничего. Слышались только далёкие шаги в подъезде и несколько гласных из телевизора в соседних квартирах. Я попробовала снова. Я позвонила на номер, который знала, а телефон выключен. Я отправила сообщение, я использовала простые, ясные слова: Нам нужно поговорить. Я вышла из больницы. Ты должен знать кое-что важное. Прошу тебя, Кaleb! Потом я ждала перед дверью, с сумкой, легко висящей на руке, с той официальной бумагой в кармане куртки, с холодом, которого я больше не чувствовала из-за другого, куда большего холода — холода тревоги.

Несколько раз надежда билась у меня в груди, как неразумный зверёк: может, он в магазине, может, на работе, мо-

жет, поехал к своей матери, может, просто не может сейчас ответить. Но часы шли, и свет истончался. Тучи натягивали ковёр над городом, а я всё оставалась там, глядя на дверь, слушая, как я сама себе говорю: ты должен знать. Я пробовала десять раз, двадцать раз — каждый звонок был броском якоря, а обратно всегда приходил только холодный тон: абонент недоступен.

Решаю открыть дверь ключом, найденным в кармане. Я шагнула в прихожую, воздух внутри хранит наш отпечаток: стаканы на столе, раскрытая книга с закладкой посередине, пара носков, забытых на стуле, — все следы присутствия, которое ушло и ещё не вернулось.

Я открыла шкафы, посмотрела на кровать, коснулась подушки — я пыталась почувствовать его следы, которых теперь не было, пыталась услышать эхо шагов, которые не приходили. Я остаюсь здесь, в тишине, которая, кажется, ложится на меня, как тяжёлое холодное одеяло, пока я стараюсь дышать как можно ровнее, будто это могло бы уменьшить боль, пульсирующую у меня в груди. Минуты идут медленно, почти мучительно медленно, и с каждой из них я чувствую, как надежда, что он вернётся, начинает расползаться во мне, кусочек за кусочком, пока не становится лишь тенью чего-то, во что я хотела верить.

Я стою, потом сажусь, потом снова встаю, неспособная найти место или позу, в которой я не чувствовала бы лезвия этого отсутствия, и понимаю с пугающей меня ясностью, что

не могу так продолжать, что не могу здесь жить.

Я уезжаю.

Я сажусь на диван с телефоном в руках и несколько секунд смотрю на него, ничего не видя, пока не набираюсь смелости и не открываю приложение для авиабилетов, со странным, почти нереальным спокойствием, будто не я принимаю это решение, а та моя версия, которой надоело страдать. Когда передо мной появляется список рейсов, мои глаза сразу останавливаются на одном: вылет через два часа, Берлин — Лондон. Ночной рейс. Ровно то, что мне нужно.

У меня сжимается желудок, но не от страха, а от осознания того, что этот выбор означает разорвать всё, оставить позади не только его квартиру, но и всю историю, всю борьбу, всё, что причиняло мне боль, и всё, что не давало мне спать целыми ночами. Удивительно то, что вместо того, чтобы впасть в панику, я чувствую себя... лёгкой. Будто во мне развязался узел, который я слишком долго носила.

Я покупаю билет не колеблясь, и, когда появляется подтверждение, я чувствую тёплую дрожь в груди, какое-то напряжённое спокойствие, будто кто-то нажал на выключатель и все чувства, которые меня разрывали, на мгновение отступили. Я медленно встаю, оглядываю гостиную и понимаю, что не хочу брать с собой ничего, даже пальто, потому что всё, что я здесь пережила, всё, что причиняло мне боль, и всё, что заставляло меня надеяться, я хочу оставить ровно там, где это случилось, — в этом пространстве, которое при-

надлежало ему и которое, сколько бы я себе ни лгала, никогда по-настоящему не принадлежало мне.

И с этой мыслью, которая бьёт меня жёстко, но толкает к свободе, я начинаю собираться, зная, что через два часа поднимусь в самолёт, который увезёт меня далеко от всего, что разрушило мой покой, и, может быть, только может быть, ближе к себе самой.

Глава 3

АМАЛИЯ

У Лондона есть ритм, который входит тебе под кожу так, что ты этого и не замечаешь. Утро поднимается, как мягкий туман, накрывая улицы вуалью бледного света, и люди, кажется, идут не торопясь, как усталые тени. В такие утра Клара ещё спит в своей комнате, а я сижу в нашей маленькой, но тёплой кухне, с чаем, дымящимся в чашке, и с блуждающими мыслями.

Бен ещё спит, но я чувствую его присутствие за дверью спальни. Он спокойный, как всегда, и я странным образом чувствую себя защищённой этим покоем, который он приносит. Я смотрю на него мысленно и пытаюсь понять: люблю ли я его? По-своему — да. Но иногда, в те мгновения, когда его глаза встречаются мои, я чувствую что-то, чего не могу объяснить.

Клара наконец просыпается, со взъерошенными волосами и большими, ясными глазами, и спрашивает меня, готов ли завтрак. Я улыбаюсь. В эти простые мгновения ничто не кажется сложным. Я беру её на руки, чувствую её знакомый, тёплый запах и чувствую, как моё сердце успокаивается.

— Мама, сегодня я хочу, чтобы мы нарисовали принцессу, которая путешествует по морю, — говорит она своим коротким и твёрдым голосом.

Я даю ей бумагу и карандаши, и она садится на пол, сосредоточенная, создавая миры, которые не имеют ничего общего с нашей сложной жизнью.

Я смотрю, как она рисует, такая маленькая и всё же такая решительная по-своему. Каждый раз, когда она хмурит брови и слишком сильно давит на карандаш, я знаю, что она пытается совладать со своим миром способом, которому даже я ещё не научилась. Я опираюсь локтем о стол и отпиваю чай, позволяя пару согреть мне лицо. В этой тишине мне хорошо. Слишком хорошо.

Дверь спальни тихо скрипит, и Бен появляется на пороге, со взъерошенными волосами и взглядом, который будто застрял между сном и тревогой. На нём та серая футболка, которая ему всегда идёт, хотя она такая старая, что её давно надо было выбросить. Я смотрю на него и чувствую узел в желудке — тот самый узел, который не исчезает уже три года.

— Доброе утро, — говорит он низким голосом.

Мне отвечает Клара раньше, чем я успеваю:

— Бен, смотри! Я рисую принцессу на море!

Он улыбается, подходит, легко касается её волос, потом смотрит на меня. Иногда от его взгляда мне хочется убежать, хотя я точно не знаю почему. Может быть, потому что он слишком напряжённый, слишком присутствующий, слишком уверенный... а я больше ни в чём не уверена.

Он садится за стол, не говоря больше ничего, делает себе кофе, и тишина между нами становится отдельным пер-

сонажем. Знакомая тишина, но такая, которая всегда что-то скрывает.

— Амалия... — начинает он тихо, и мой желудок уже сжимается.

Я не поднимаю взгляд сразу, но чувствую, как он поставил кофе и смотрит на меня. В последнее время любой разговор между нами начинается так, с долгими паузами и словами, которые кажутся тщательно подобранными.

— Я подумал... Может быть, сегодня вечером выйдем только вдвоём. Без Клары. Нам это нужно.

Я чувствую, как что-то во мне закрывается автоматически, как рефлекс. Не потому, что я не хотела бы. А потому, что я точно знаю, куда ведёт этот разговор.

— Бен... вчера мы были я не хочу, чтобы мы снова дошли до этой точки, и сегодня я занята сегодня мне надо писать. Ты знаешь, что у меня мало времени, чтобы писать, — говорю я, выдавливая улыбку.

Он выпрямляет спину, уходит из кухни и ничего не говорит.

Клара поднимает свой рисунок и машет им в мою сторону:

— Красивая?

— Она идеальная, — говорю я, беря её на руки.

И пока я прижимаю её к груди, я немного прячусь за ней. В её маленьких руках, думая, что, может быть, надо было согласиться. Что-то меня останавливает, мне нужно принять решение.

Я смотрю на Бена, как он натянул куртку на плечи, и на мгновение он остановился в дверях. Он не обернулся ко мне. Не посмотрел на меня. Просто остался неподвижным, будто искал в себе что-то, чего не мог найти.

Потом он открыл дверь.

И вышел.

Без единого слова.

Без того «скоро вернусь», которое он обычно говорил.

Не закрыв дверь осторожно, как делал всегда, когда Клара спала.

Просто ушёл.

Я осталась стоять окаменевшая на кухне несколько секунд, сжимая чашку в руке. Потом, чтобы не встревожить Клару, я через силу собрала улыбку.

— Маме нужно вызвать няню на попозже, милая.

Она кивнула, не поднимая глаз от рисунка, и это немного разорвало мне душу. Дети чувствуют. Даже если не умеют объяснить, чувствуют. А на её рисунке море начинало покрываться всё более крупными волнами.

Я позвонила няне. Она ответила сразу, очень спокойная, очень уверенная в себе — то, чего мне сегодня не хватало. Сказала, что может прийти через полчаса. Я поблагодарила и начала расставлять по дому игрушки, просто чтобы занять руки и не дать мыслям собраться.

Когда няня пришла, Клара побежала к ней со своей невинной радостью, и на мгновение я почувствовала облегчение.

Меня успокаивала мысль, что хоть кто-то может принести в этот дом устойчивость в те минуты, когда у меня не получается.

Я взяла сумку, повязала на шею лёгкий шарф и вышла из квартиры. Лондонский воздух был холодным, мягким, как пощёчина, которая будит, но не ранит. Я медленно спустилась по лестнице, всё ещё чувствуя утреннее напряжение в плечах.

Когда я вышла на улицу, я поняла, что мне нужно пространство. Тишина. Воздух.

И единственное место, где я это находила, — моя любимая кофейня.

В нескольких улицах отсюда, спрятанная между двумя старыми магазинами, кофейня всегда пахла тёплой ванилью, свежемолотым кофе и мокрым деревом. Это было место, куда я приходила писать, когда мой мир становился слишком шумным. Это было место, где могла дышать Амалия — женщина, не мать, не партнёрша Бена... а просто я.

Я вошла, и колокольчик над дверью издал тот мягкий звук, который я так хорошо знала. Официантка — та же женщина со спокойной улыбкой — поздоровалась со мной взглядом.

Я выбрала свой обычный угол, у окна. Место, откуда я могла видеть улицу, спешащих людей, дождь, который медленно начинал подметать город.

Я достала ноутбук, открыла его и начала писать. Мою ис-

торию. Мою книгу. Единственное место, где у меня был полный контроль над финалами.

Но, пока я набирала первые строки, я чувствовала, что на этот раз пишу иначе. Жёстче. Беспокойнее. Будто где-то за моей спиной, в моей жизни, готовилась буря, которую я ещё не умела назвать.

Но я её чувствовала.

Я останавливаюсь. Отодвигаю ноутбук чуть вперёд, провожу рукой по волосам и беру телефон. Первая мысль, которая приходит ко мне, — снова Анна. Рефлекторно нажимаю на её номер. Я делаю это часто в последнее время, может быть, слишком часто. Но каждый раз, когда идут гудки... что-то меня останавливает. Будто мой голос ломается ещё до того, как родиться.

На этот раз телефон звонит три раза. Потом четыре.

Сердце бьётся быстрее.

На пятом гудке Анна отвечает.

Она ничего не говорит.

Слышна только тишина между нами — та длинная, режущая, в которую я могла бы уместить все годы, что я бежала от неё, от всех. Тишина, в которой моя вина растёт, как эхо.

Я тоже остаюсь немой.

Две секунды.

Четыре.

Семь.

Потом я её слышу. Очень тихо, как тень голоса:

— Амалия...

Только и всего.

И её голос... о Господи, её голос. Такой знакомый. Такой полный того, на что у меня не хватало смелости посмотреть в лицо.

Я чувствую, как слегка увлажняются уголки моих глаз.

Я тяжело сглатываю.

— Это я... — шепчу я, не поднимая взгляда от столика в кофейне.

Короткое, но тяжёлое молчание ложится между нами.

Потом Анна вздыхает — тем вздохом, который я так хорошо знаю, тем, что приходит сразу после того, как ты попыталась не заплакать.

— Ты где?... — спрашивает она тоном, который пронзает мне грудь.

Я опускаю лоб в ладонь. Будто только сейчас чувствую тяжесть последних лет. Я уехала. Я спряталась. Я исчезла, не объяснив. А она... она никогда меня не упрекнула. Просто осталась там, в той пустоте, которую я оставила за собой.

— Анна... прости меня, — говорю я наконец, и слова у меня дрожат. — Мне так жаль...

Я чувствую, как меняется её дыхание.

— Ты позволила мне... думать, что с тобой что-то случилось, — говорит она. Голос у неё маленький, придушенный. — И не знать, где ты... Господи, Амалия... ты представляешь, как мне было больно? Как я за тебя переживаю.

Я закрываю глаза.

Картины бьют по мне — день, когда я уехала, бегство, паника, боль, нехватка воздуха, Клара у меня в животе и одно только желание больше ничего не чувствовать.

— Знаю... знаю, что ранила тебя, — говорю я, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — У меня нет права сейчас ничего просить... но, кажется, пришло время.

Анна глубоко дышит.

— Тогда скажи мне... где ты?

Я смотрю наружу, на дождь, который начинает бить в стекло. Люди бегут, поднимают воротники, мир движется в ритме, которого я давно уже не знаю.

И я говорю тихим, но твёрдым голосом:

— Я в Лондоне.

Анна отвечает не сразу.

Я почти слышу, как она прикладывает ладонь ко рту, потрясённая.

— Пять лет?... Амалия... Пять лет?

Я почти чувствую её ярость.

Боль.

Любовь.

Тревогу.

Всё смешано в одном дыхании.

— Знаю... — повторяю я. — Знаю. И я не прошу прощения. Просто... я не хочу убегать от тебя. Не от тебя.

— Тогда почему ты сбежала? — спрашивает она таким

серьёзным тоном, что он меня пронзает.

Я смотрю в свой остывший чай, и по коже бегут мурашки.

Не знаю, готова ли я ей сказать.

Не знаю, готова ли я произнести вслух правду, которую не признаю даже перед собой.

Анна больше ничего не говорит. Просто дышит. Я слышу, как воздух проходит через трубку, неровно, будто ищет своё место в реальности, прихода которой она не увидела.

Я закрываю глаза, прижимаю телефон к уху и подтягиваю колени к груди. Я чувствую горькое тепло, поднимающееся к горлу, как тогда, когда хочешь сказать правду после слишком многих лет молчания.

— Амалия... ты там? — бормочет она, я едва её слышу.

— Да... Я здесь, Анна.

— Я тебя плохо слышу. Как будто... это не ты.

— Я и сама уже не очень-то я, — отвечаю я тихо, почти шёпотом. — За последние годы... я много раз теряла себя.

Наступает тишина. Длинная тишина, которая давит посреди моей груди и которая, я чувствую, ложится и в её.

— Расскажи мне, что случилось, — говорит Анна наконец. — Ты просто испарилась. Уехала, ничего не сказав. Заблокировала меня везде. Я думала, что с тобой что-то случилось... или что ты меня больше не выносишь. Амалия, я плакала месяцами.

Я кусаю губу, пока не чувствую кровь. Я больше не могу убежать.

— Анна... я... я и сама не знаю, сбежала я или просто оставила всё позади. Я просто... я больше не могла дышать в той жизни. Ничто больше не оставляло места для меня.

— Ты уехала из-за Калеба? — спрашивает она внезапно, и её голос обрывается на середине фразы.

Я глубоко вдыхаю. Его имя выкручивает мне желудок.

— Да... и нет, — отвечаю я честно. — Калек... он меня оставил. Одну. Внезапно. Он исчез. И что-то во мне сломалось. Тогда я почувствовала, что мне больше незачем там оставаться. Не для кого. И не для себя.

Анна реагирует не сразу. Кажется, она встаёт, я слышу, как она ходит по дому, будто ищет опору.

— Хорошо, я понимаю, — говорит она мягче. — Но сейчас... сейчас ты кажешься... другой. Счастливой, может быть? Что с тобой происходит? Где ты, Амалия? Что ты делаешь?

Я сглатываю всухую. Вот и трудная часть.

— Да, Анна... У меня всё хорошо.

Молчание. Слишком долгое.

— Пять лет? Пять?! — кричит она, но тихо, будто она в комнате, где не хочет никого разбудить. — И... и я ничего не знала? Тебе серьёзно нужна помощь психиатра, подруга... Почему ты ничего не сказала?

Я чувствую, как дрожит моя рука, но продолжаю.

— Потому что я и сама не знала, что делаю. Мне нужно было спрятаться. Дышать. И... начать с нуля.

— И начала? — спрашивает Анна, почти саркастично, почти испуганно.

— Да... в каком-то смысле. У меня... своя жизнь здесь. Моя любимая кофейня. Моё письмо. И... Бен.

Анна молчит. Кажется, она прикусывает язык. Или её брови сходятся, я могу представить себе её лицо.

— Бен? — спрашивает она странным голосом. — Кто такой Бен?

— Он... хороший человек. Кто-то, кто появился, когда мне это было нужно. Кто помог мне не рухнуть. Мы вместе три года.

Снова пауза. Но на этот раз другая пауза. Тяжёлая. Такая, что режет воздух.

— И... всё? — спрашивает Анна, и что-то в её тоне становится холодным. — Это всё, что ты хотела мне сказать?

Я чувствую, как немеют мои пальцы. Вот он, момент.

— Нет. Это не всё.

Я делаю глоток воздуха и чувствую, как он сотрясает всё моё тело. Кладу ладонь на живот, хотя Клары там больше нет, но жест приходит рефлекторно.

— Анна... у меня есть дочка.

Анна издаёт странный звук, как вздох, вырвавшийся сквозь зубы.

— У тебя... что? Как это — у тебя дочка?

— Её зовут Клара... ей четыре с половиной.

— У ТЕБЯ ЕСТЬ РЕБЁНОК?! — кричит она, и мне при-

ходится отодвинуть телефон от уха. — Ребёнок?! Амалия, ты совсем сошла с ума? Ты стала матерью и никому не сказала? Ты прожила с этим ОДНА?

Мне больно. Но я продолжаю.

— Да... я прожила с этим одна. Потому что не знала, как это сказать. Потому что мне было страшно. Потому что... потому что я совершила слишком много ошибок.

Анна дышит хаотично, почти задыхается.

— А отец? — спрашивает она внезапно, тоном, который меня пронзает. — Она от Калеба... правда ведь?

Я закрываю глаза. Мир сжимается в маленькую, болезненную точку.

— Да, Анна... — признаю я. — Клара — ребёнок Калеба.

И тишина, которая следует за этим, — не просто тишина.

Это землетрясение. Такое, что приходит по телефону и входит прямо мне в сердце.

Не знаю, сколько проходит времени. Может быть, несколько секунд. Может быть, целая жизнь. Единственное, что я слышу, — дыхание Анны, короткое, дрожащее, нерешительное. Будто она пыталась переработать одновременно пять лет молчания.

— Амалия... — шепчет она, почти без голоса. — Не могу поверить... У тебя ребёнок. И... он от Калеба. Боже мой... что же делать?

Я закрываю глаза. Её боль смешивается с моей так, как это умеет создавать только старая дружба. Я чувствую что-

то в груди — вину, страх, но ещё и отчаянную потребность быть понятой хотя бы раз.

Я собираю всю свою смелость.

Я чувствую, как теплеют мои ладони, как дрожит мой голос, но я не могу остановиться.

— Анна... прошу тебя... выслушай меня. Я знаю, что для тебя это звучит безумно, нереально, неправильно... но прошу тебя, не говори никому. Совсем никому.

Анна молчит. Кажется, она поднесла руку ко рту — она так делает, когда потрясена.

— Как это «никому»? — спрашивает она тихо. — Амалия... люди **ИМЕЮТ ПРАВО** знать. Кaleb... его семья... все...

— Нет! — обрываю я её, быстрее, чем собиралась. — Нет. Никто не имеет права знать. Пока нет. Может быть, никогда. Прощу тебя... не дай никому узнать о Кларе.

У меня встаёт ком в горле. Я поднимаюсь со стула в кофейне, иду в угол, к большой стеклянной стене, где холодный лондонский свет падает мне прямо в глаза. Я закрываю рот ладонью, чтобы не было слышно, как я дышу.

— Анна... я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, где я. Никто. Не хочу, чтобы знали, что я в Лондоне. Не хочу, чтобы знали, что у меня есть ребёнок. Не хочу, чтобы кто-нибудь знал хоть что-то... прошу тебя... пообещай мне.

Анна набирает воздух в грудь, медленно, тяжело.

— Но почему, Амалия? Почему столько тайны? Почему

столько страха? Кaleb... он был частью твоей жизни. Ребёнок... он его. Почему...?

Я чувствую, как горят мои глаза.

Я не могу сказать ей всё. Я чувствую себя как дверь, запертая изнутри.

— Потому что... я была одна, Анна. Потому что он меня оставил. Потому что он не захотел обо мне слышать. Потому что тогда, когда я нуждалась больше всего... он исчез. И я осталась с ребёнком в животе и без никого вокруг. Тебя там не было, потому что... я никому не позволила там быть. И... да... может быть, я ошиблась. Но прошу тебя... хотя бы сейчас... не отбирай у меня единственное, что держит меня на ногах: покой.

Я слышу, как Анна вздыхает. Это не нервный вздох. Это болезненный. Будто она пытается найти свой путь среди всего, что только что узнала.

— Амалия... — говорит она мне тихо, с мягкостью, какой я давно не слышала. — Тебе нехорошо. И я, как подруга... хочу поступить правильно.

— То, что правильно для меня... это покой, — отвечаю я, почти умоляя её. — Мой покой, покой Клары... и наша жизнь здесь. Если кто-нибудь узнает... если Кaleb узнает... всё рассыплется. Я не хочу потерять Клару. Я не хочу, чтобы кто-то возвращал меня назад в прошлое. Прошу тебя... умоляю... сохрани тайну.

Мой голос ломается. Наконец я чувствую, как слеза сколь-

зит по щеке.

Анна молчит, но на этот раз я чувствую что-то в её молчании — сочувствие, страх, защиту.

— Хорошо... — говорит она в конце концов тихим голосом. — Хорошо, Амалия. Я никому не скажу. Обещаю. Но... я хочу, чтобы ты кое-что поняла... такое обещание для меня нелегко. Не потому, что я тебя не люблю, а потому что... я чувствую, что ты потерянная. И это меня пугает.

Сердце бьётся так сильно, что я чувствую вибрацию в телефоне.

— Знаю... — отвечаю я, дрожа. — Но именно потому, что ты меня любишь... прошу тебя, позволь мне жить так, как я могу. В молчании. В покое. Скрытно. Пока что.

Анна вздыхает, потом, после долгого мгновения, говорит:

— Хорошо. Обещаю тебе, что не скажу. Ни Калебу. Ни его семье. Ни твоим друзьям. Никому. Это останется между нами. Но, Амалия...

её голос совсем смягчается, становится тёплым прикосновением,

— ...никогда больше так не исчезай. Не оставляй меня больше в темноте. Не отбирай у меня больше права быть твоей подругой.

И тогда... я сдаюсь.

Я плачу молча, крепко сжимая телефон в пальцах.

— Я больше не исчезну... — тихо обещаю я. — Не совсем. Не от тебя.

Мы продолжали говорить целыми часами.

Она рассказала мне о своей жизни, застывшей на месте, о той рутине, которая сначала шла ей на пользу, а потом стала чем-то вроде клетки. Она говорила мне о вечерах, когда возвращалась домой и чувствовала, что за столом кого-то не хватает, кого-то, кто должен был бы там быть, — смеяться, спорить, спрашивать, жить. Она рассказала, как все вокруг продолжали спрашивать её, знает ли она что-нибудь, слышала ли обо мне, есть ли хоть какой-то след, а ей приходилось повторять снова и снова, что она ничего не знает, пока в её душе копилось всё больше вины.

Всё это время я слушала не дыша. Каждая деталь была как обещание, что она меня не забыла, но и как открытая рана, потому что это я заставила её искать меня в темноте.

Она сказала, что сильно изменилась. Что жизнь толкнула её вперёд, даже если она не хотела. Что люди приходят и уходят, а некоторые остаются только воспоминаниями, которые болят по воскресеньям. Что она пыталась быть счастливой, знакомиться с новыми людьми, заниматься собой, но иногда ей казалось, что часть её осталась пленницей в прошлом, в том месте, где исчезла я.

Она рассказала, что были моменты, когда она чувствовала себя одинокой, но были и моменты, когда жизнь удивляла её маленькими, красивыми вещами. Что она научилась иначе ценить тишину, но что ей не хватало того, с кем её разделить. Что она любила, может быть, не глубоко, но достаточно.

но, чтобы понять, что значит идти дальше. Что она работала, менялась, выросла. И что все эти годы, даже если никому не говорила, она не переставала меня прощать, хотя точно не знала за что.

Пока она говорила, я чувствовала, как её боль прилипает к моей, как два кусочка пазла, которые наконец встречаются после лет блужданий. У меня не хватало смелости сказать хоть что-то. Я позволяла ей излить душу, а сама держала все её слова в себе, будто хотела сохранить их до того дня, когда, может быть, у меня хватит сил вернуться.

Когда она закончила, мы остались вместе в молчании, каждая дыша в своём ритме, но связанные наконец простой правдой: мы обе выжили, пусть и разными дорогами.

Телефон остался тёплым в моей ладони, и впервые за много лет я почувствовала себя менее потерянной. Может быть, потому что я наконец заговорила. Может быть, потому что кто-то где-то теперь знал, что я на самом деле существую.

И в тишине кофейни, среди людей, не имевших ни малейшего понятия, кто я, я почувствовала, как кусочек меня встаёт на своё место. Не полностью. Не окончательно. Но достаточно, чтобы закрыть глаза и почувствовать, что я могу дышать снова.

И впервые за годы я чувствую, как моя душа немного освобождается.

Глава 4

АМАЛИЯ

Половина дня прошла.

Клара уже в детском саду, и дом слишком тихий без её смеха, без её маленьких шагов, бегающих из комнаты в комнату. Сегодня я не пошла на работу. Не смогла. Не после вчерашней ночи. Не после всего, что я почувствовала в груди, как узел, который больше не даёт мне дышать, и как высвобождение чувств.

Бен не ночевал дома.

Он не прислал ни одного сообщения.

Никаких объяснений.

Даже никакого «я в порядке».

И эта вынужденная тишина давит мне на грудь тяжелее любой правды, которую я не хочу слышать.

Я сижу на кухне, за тем столом, за которым каждое утро насыпала Кларе её любимые хлопья. Моя чашка чая холодная, нетронутая. Руки у меня немного дрожат, когда я провожу пальцами по телефону и перечитываю сообщение, которое отправила Бену на рассвете:

«Прошу тебя, приезжай сегодня домой. Срочно. Нам нужно поговорить.»

Только и всего. Холодно. Ясно. Потому что сегодня мне нужна правда, а не ласки, которые прикрывают то, чего мы

не хотим видеть.

Я медленно встаю и начинаю ходить по дому, пытаюсь найти какое-нибудь занятие, что-нибудь, что удержит меня в настоящем, но всё падает у меня из рук. Мне кажется, что вещи вдруг стали тяжелее, враждебнее. Даже воздух будто смотрит на меня вопросительно.

«Где ты был этой ночью, Бен?»

В мыслях вопрос повторяется, как эхо, которое не хочет умолкать. Я не боюсь, что он мне изменил. Не в этом дело. Я боюсь... другого. Его взгляда в последнее время. Его странного молчания. Того давления, с которым он пытается поймать меня в жизнь, которую хочет он.

Я останавливаюсь перед зеркалом в прихожей. Я выгляжу усталой, будто вела бои, которых не просила. Я провожу ладонью по животу, там, где иногда чувствую пустоту, иногда огонь.

Мне нужно принять решение.

Я глубоко дышу. Я чувствую, что, что бы сегодня ни случилось, моя жизнь снова изменится. Может быть, немного. Может быть, полностью.

Я сажусь на диван и подтягиваю колени к груди. В этом доме в последнее время только Клара приносила мне свет. Она ничего не знает. Не знает, что я скрываю. Не знает, почему я сбежала. И особенно не знает, что означают отлучки Бена, его взгляды, напряжение, которое чувствуется в стенах.

Звук мотора заставляет меня вздрогнуть. Его машина. Я

узнаю её звук в любое время.

Я вытираю влажные ладони о покрывало дивана, пытаюсь собрать смелость.

Входная дверь открывается.

Его приход звучит уже не так, как раньше, — это не был твёрдый шаг, полный привычки, а какое-то медленное шествие, как тень, что тихо скользит по полу. Я услышала его раньше, чем увидела: его придавленное, тяжёлое дыхание и куртку, которая зацепилась за плечи, когда он торопливо раздевался. Когда он появился у стола, свет снаружи вырезал его профиль — я видела его, но будто и другой силуэт, очерченный напряжением и чем-то холодным, что ускользало из его взгляда.

Волосы у него были кривые, никак не уложенные, такие, какими их оставляют удары бессонной ночи. Его запах — сочетание слишком горького кофе и мужского парфюма — заполнил комнату и заставил меня почувствовать, что мои лёгкие замерзают. Я подняла взгляд. Его глаза следили за мной с энергией, составленной из усталости и чего-то похожего на тревогу. Он посмотрел на меня коротко, как на задачу, которую надо решить, потом остановился, оставил сумку на стуле и попробовал улыбнуться — той улыбкой, которую я так хорошо знала, но которая на этот раз не дошла до уголков глаз.

— Ты получил моё сообщение, — сказала я, и мой голос пытался остаться спокойным, хотя мышцы шеи сводило.

— Мне нужно поговорить. Сейчас.

Он поднял бровь, кивнул, будто принимал то, что последует, но меньше ради меня и больше для того, чтобы не устраивать сцену перед нашим домом. Он подошёл, сел на стул напротив меня плавным, почти театральным движением. Я посмотрела на свой палец. Кольцо тускло блестело в полуденном свете, и я подумала о том, как сильно оно меня держало и какой тяжёлой стала эта тяжесть.

— Бен, — начала я, вспоминая, как дрожали голоса у меня в груди с каждым словом.

— Я не хочу знать, где ты был всю ночь. Не в этом проблема. Проблема в том, что мне... нужно поставить расстояние между нами. Нам нужно прервать отношения, по крайней мере на время.

Знаешь то ощущение, когда чужое слово падает в комнату и бьётся о стены? Именно так мне показалось, когда я сказала «прервать». Воздух стал плотнее, как подушка, которая нас разделяла. Я смотрела на него, пытаюсь поймать во взгляде след сострадания, искру понимания. Я не хотела его ранить.

Он долго смотрел на меня. Я испугалась его молчания, это было молчание, которое, казалось, вычисляет, становится стратегией. Я продолжила, потому что знала, что иначе потерялась бы в собственных страхах.

— Я хочу, чтобы ты положил ключи на стол, — сказала я голосом, который был едва слышен.

Он слегка потянулся, будто высматривал что-то невидимое, коснулся подбородка, потом усмехнулся. Но его усмешка не была знаком мира — скорее маской, прикрывающей другое. Я увидела, как улыбка стоит у него под красками в глазах, медленно преобразуется и становится холодным оскалом. Тогда я оцепенела. Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, а потом убегает в живот.

— Оооо, Амалия, у тебя прорезался голос, поздравляю, — начал он, и его голос прятался за коротким смешком, который звучал фальшиво, как кусок, вырванный из плохого фильма. Потом он захохотал — хохотом натужным, резким, — который не имел ничего общего с радостью. Потом следуют аплодисменты. Этот звук завибрировал на стенах и сотряс мне грудь. Моё сердце заколотилось так сильно, что мне показалось, будто это последнее здесь, что ещё имеет право на жизнь.

Пользуясь этим смехом, он открыл сумку, достал ключи чётким, почти театральным движением и бросил их в мою сторону. Бросил с силой, в которой не было нужды. Ключи отскочили, задели стол и легко покатались, как тяжёлые мысли, которым больше нигде остановиться. Один из ключей отскочил к самому краю стола. Я смотрела, как они отделяются от него, будто я забрала у него что-то жизненно важное. Когда теряешь вещь — знак, — она немедленно превращается в реальность.

Он смотрит на меня холодным, острым взглядом, его гла-

за блестят от ярости, которую он крепко держал в груди, как мяч, готовый взорваться. Он поднял бровь, будто я сказала что-то невыносимое, потом снова разразился тем нервным, коротким смехом, сделал презрительный жест рукой и вышел из дома. Дверь закрылась за ним со звуком, который отдавался ещё долго после того, как он ушёл.

Я осталась одна за столом, всё ещё слегка сжимая ладонью чашку чая, чувствуя, как я растекаюсь по сторонам. Звук его смеха всё ещё вибрировал у меня в ушах. Я посмотрела на ключи — они лежали на столе, беспомощные, банальные предметы, которые теперь казались тяжёлыми, как приговор. Я на мгновение сжалась, будто могла уменьшиться и стать невидимой, ничего не чувствовать. Но чувства были там, тяжело топоча: стыд, страх, глубокая печаль, наполнившая мне грудь.

Я осталась безучастной. Я не встала. Не двинулась. Время будто просачивалось сквозь меня медленными каплями. Я посмотрела в окно, на бледно входящий свет, и почувствовала, что мой мир вдруг изменился — не от его жеста, а от того, что он сказал, не произнося: в его глазах я увидела конец какого-то терпения. И я знала с холодной уверенностью, что то, что последует, — не просто временное расставание. Это была открытая пропасть, где нашим шагам больше не было моста.

Потом я опустила лицо в ладони и долго вздыхала, пока звук моего дыхания не показался мне слишком громким в

окружающей тишине. Слёзы не были драматическим взрывом; они пришли слабо, как тонкие веточки дождя, что медленно начинают смачивать сухую землю. Я почувствовала себя маленькой, беззащитной, с частью себя, разорванной на куски, которые больше не знают, как склеиться обратно.

Это не Бен.

Это не тот Бен, с которым я была 3 года.

Не знаю, что должно произойти, чтобы мы помирились... но что-то во мне чувствует, что пути назад больше нет.

Прошло уже несколько часов, но дом всё ещё полон эха его голоса, того фальшивого, горького смеха, который окончательно сломал что-то во мне. Это как если бы целая стена, с трудом построенная из компромиссов, страха и надежды, рухнула в одно мгновение. И вместе с ней... упала и я.

Я закрываю глаза. Я чувствую унижение. Разочарование. И странный покой, болезненный, но необходимый.

Три года... Три года, в которые я верила, что, может быть, со временем почувствую к нему другое. Что полюблю его. Что он станет покоем после бурь в моей жизни. Но правда в том, что я просто пыталась себе лгать. Убедить себя, что стабильные отношения — это всё, чего я заслуживаю. Что я должна принимать всё, чтобы больше никого не потерять.

Вот только я уже потеряла того, кого не должна была терять.

Бен... или кто он там на самом деле... никогда не был покоем. Он был тенью, которая проскользнула в мою жизнь

ровно в тот момент, когда я была наиболее уязвима. А я позволила этой тени лечь на всё, чем я была. На мой разум. На мои решения. На мою жизнь.

«Отношения, которые рвутся в тишине... значит, они были разорваны уже давно.»

Я чувствую, как что-то во мне успокаивается. Решение. Уверенность. Принятие.

Я думаю, что сделала правильный выбор.

Может быть, однажды я пойму точно почему. Или, может быть, будет болеть ещё сильнее. Может быть, придут ночи, когда мне будет страшно. Может быть, придут дни, когда я буду спрашивать себя, не ошиблась ли я. Но в это мгновение... в тяжёлой тишине моего дома... я чувствую, что выбрала то, что нужно мне и Кларе.

И даже если части меня дрожат, другие возрождаются.

Я открываю окно. Входит холодный, лондонский, влажный воздух. Я дышу. Первый настоящий вдох за долгое время.

Три года я ничего не знаю о человеке, который должен был бы быть отцом моего ребёнка. Три года я прячусь и пытаюсь забыть. Три года я пытаюсь писать своё будущее с мужчиной, который не чувствует.

Но теперь... теперь начинается другое.

Новый этап.

И как бы мне ни было страшно... я должна идти вперёд.

Прошла неделя. Семь дней, у которых впервые за долгое время был медленный, чистый ритм, полный вдохов, от которых я больше не вздрагивала по сигналу. Я прожила каждое утро как маленькую победу: Клара в детском саду, мокрые улочки Лондона, шаги, которые не торопили меня ни к чему, что мне не принадлежит. На этой неделе я не ходила на работу. Я позволила себе роскошь времени, которого никогда себе не брала, — просто быть здесь, для себя. Писать. Не отвечать сразу на все уведомления. Оставить телефон в сумке и чувствовать воздух, который входит и выходит из моей груди без чужой спешки.

Я снова села в свой обычный угол в кофейне — окно, стул из резного дерева, стол с кофейной патиной от бог знает скольких утр. Официант уже знал мой заказ: большой латте без сахара и миска фруктов, когда сезон. Тёплый свет, запах выпечки и звук клавиш других людей, которые писали или сшивали идеи, таяли у меня за спиной, как накидка. Я погрузилась в ноутбук, открыла свой документ и начала писать с той внимательной медлительностью, которую нахожу, когда за мной никто не следит.

Та неделя была моей исцеляющей тишиной. Без эмоциональных сообщений в полночь, без вопросов, которые спрашивают мой взгляд, без того фальшивого оскала, что оставил на мне следы. Я почувствовала свободу как новую одежду: сначала странную, потом удобную, потом необходимую. Каждое предложение, выложенное на экран, было как

кусочек восстановленной кожи, как шов, аккуратно сделанный на моих старых ранах.

Посреди тех часов, когда слова текли, а стакан кофе остывал и снова наполнялся, у меня было время посмотреть на себя с мягкостью. Я часто спрашивала себя, как я сюда попала — не только географически, но и внутренне, — и робко себе отвечала: маленькими шагами, выборами, которые держали меня бодрствующей. Клара, книга, письмо. Это были мои якоря. И всё же где-то в глубине маленький страх ещё тянул меня, напоминая, что моя свобода пока хрупкая.

Официант позади меня шумел, спрашивал, принимал чей-то заказ, а я продолжала печатать. Мои истории сплетались с другими голосами, со сдержанным смехом и звяканьем чайной ложки о блюде. Я чувствовала себя здесь в безопасности — место с простыми правилами: пьют кофе, пишут, уходят в конце концов с лишней страницей в памяти.

Чувствую.

Сначала лишь намёк: маленький, очень знакомый запах, как призрак, скользнувший мимо моего уха. Это был тот парфюм, который узнаёшь по старому чувству, не по имени, не по лицу, просто по ощущению: тёплые ноты, перец и дупление дерева. На мгновение всё остановилось. Каким-то образом чей-то парфюм открыл дверь, из которой вырвались воспоминания: шаги по асфальту, тот синий ночной свет, смешанные голоса и рука, которая больше не вернулась. Я почувствовала, будто кто-то легко коснулся плеча моего про-

шлого, и у меня перехватило дыхание.

Мои щёки вспыхнули помимо моей воли. Руки опустились с клавиатуры — пальцы всё ещё касались экрана, но я больше не писала. Мне будто стало холодно и в то же время меня вдруг охватил неловкий жар. Я подумала не смотреть в сторону входа, не делать ни одного движения, остаться спрятанной между строками и кофейным паром, дать парфюму пройти и рассеяться. Но что-то, какая-то глубокая часть меня, хотела знать источник этого дуновения. Хотела, может быть, стыдно, найти лицо, которое продолжало преследовать меня во снах.

Я осталась неподвижной, ноты будто отдавались в ушах: смесь воспоминания и тоски. Я пыталась успокоиться, сказать себе, что это просто память играет шутки, что люди носят похожие парфюмы, что, может быть, это была лишь случайность. Но мои щёки всё горели, и я почувствовала, как сердце снова начинает биться быстрее, не только от страха, а от мягкого шока, как тогда, когда тебе напоминают о чём-то, к чему ты не была готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.